

ИСТОРИЯ, ТЕОРИЯ ТА МЕТОДОЛОГИЯ ИСТОРИЧНОЇ НАУКИ

Т. Н. ПОПОВА

ИСТОРИОСОФИЯ КАК ТЕОРИЯ ИСТОРИИ

(часть первая)

«История и философия удаляются друг от друга вследствие взаимного непонимания, и это дурно отзывается на обеих науках».

(Г. Риккерт).

Еще в начале XX века некоторые из историков сетовали о том, что не существует такой классификации наук, которая бы могла считаться общепризнанной. Причина этого положения усматривалась в том, что в процессе дифференциации отдельные научные дисциплины выделялись из общей массы научного знания не в соответствии с какой-нибудь логической системой, но «по самым различным поводам». Среди них — т. н. «переходящие условия», благодаря которым та или иная отрасль знания «в известную эпоху» привлекала к себе «особое внимание», или какой-нибудь даровитый и энергичный исследователь «делал из нее свою специальность». Так появлялись научные дисциплины с собственными названиями (в данном случае объектами «критики» были — социология (О. Каут), психология народов (В. Вунд), коллективная психология, этнология и др.), хотя провести между ними «ясные демаркационные линии» было не просто, что и приводило «к путанице»¹. В конце XX века картина изменилась мало. Общепризнанной классификации так и нет, хотя «господствующих» было много, а «переходящие условия» оказывали и оказывают значительное влияние на появление новых и метаморфозы старых дисциплин. Демаркационные линии между множеством дисциплин по-прежнему труднопроводимы, а сакраментальный вопрос «Что есть наука?» остается предметом разногласий среди представителей различных отраслей знания. Разумеется, мы не забыли о во-
вторазделе почти в сто лет, который накладывает отпечаток

и на саму постановку проблемы «дисциплинарности», и на ее решение в начале и в конце века. И сетования нашего предшественника звучат несколько наивно... Тем не менее, попробуем (не претендуя на полноту освещения, разумеется), бросить взгляд на «отношения» историографии² и историософии.

Об историософии: абрис. Считается, что термин «историософия» был введен в научный оборот в 30-е гг. XIX в. (Cieszkowski A., von. Prolegomena zur Historiosophie. — Berlin, 1838 и др.) и использовался для обозначения гегелевской философии истории, а также спекулятивной теоретической истории вообще³. Возможно, он возник по аналогии с более древним термином — теософия⁴, который был весьма популярен в XIX в., имел много трактовок в соответствии с направлениями в сфере теософического познания и как философская категория вошел в классику немецкой и российской философской мысли (Ф. Шеллинг, Вл. Соловьев и др.).

В конце XIX — начале XX в. в связи с поиском определения теоретических дисциплин истории Н. И. Кареев предложил философскую теорию исторического знания и исторического процесса выделить в особую дисциплину под именем историософии. Однако, чуть позже, выдвинув новые термины — «историка» как теория исторического знания и «историология» как теория исторического процесса, он рассматривает уже историософию как синоним философии истории в значении «доведенного до известной абстрактности изображения действительного хода истории» и отмечает, что термин «историософия, равносильный термину философия истории... встречается во многих литературах, но не привился на русской почве»⁵.

Тем не менее, такие понятия как «историософские взгляды», «историософские категории» имели довольно широкое «хождение» в российской, украинской и западноевропейской (в основном — немецкоязычной) литературе XIX — начала XX вв. Их содержательный диапазон включал преимущественно вопросы исторического процесса или категории онтологии (метафизики) истории. Историософия «подменяла» спекулятивную философию истории, большее распространение получив в трудах по теологии истории (религиозной, теологической философии истории), и «воспоминания» о данной традиции способствовали почти полному вытеснению этого понятия из лексикона советской науки. В исторической литературе советской эпохи этот термин иногда появлялся

как у отдельных авторов, так и в официальных энциклопедических изданиях тогда, когда речь шла о критике философско-исторических построений в западной историографии. Смысл этого термина, например, у Е. А. Косминского становится ясен из его оценки труда А. Дж. Тойнби: «Опус Тойнби — это не история, не наука, а теолого-метафизическая фантазия на тему о судьбах человечества на Земле...»⁶.

Общая тенденция научного «официоза» в XX в. — преобладание scientистеской ориентации, ингилизм по отношению к философско-историческим спекуляциям, гносеологизм и методологизм и др. способствовали почти полному «изъятию» термина «историсофия» из научного оборота⁷. Последнее же десятилетие XX в. (угроза «не-бытия» планетарного масштаба, радикальные политические метаморфозы, смена «больших парадигм» и др.) заставило снова обратиться к проблемам онтологии. Попытки самосознания на пороге нового тысячелетия потребовали анализа исторически существующих концепций философского содержания и смысла человеческого бытия⁸. Новая эпоха в жизни Украины и России (и других стран, переживающих фундаментальные преобразования) не только способствовала возвращению утраченного наследия, но и обусловила возрождение философствующей истории, интерес к Идее Истории, к осмыслению теоретических, философских позиций крупных историков и мыслителей⁹. Термин «историсофия» ворвался на страницы научных и публицистических трудов, не всегда определяемый и подчас не осознаваемый авторами. Многочисленные переиздания философско-исторической литературы XIX — начала XX вв., ее «употребительное постижение» сделали понятие историсофии привычным и не требующим экзепликации. Историсофия становится модным словом и «образ» ее множится... Проблему понимания этих «образов» следует рассматривать, вероятно, в общем контексте проблемы эволюции дисциплинарной структуры философии истории и историографии.

Философия истории: через призму «гештальтных очертаний»¹⁰. Генезис философии истории определяют по-разному. А. Ф. Лосев относит возникновение философии истории к Древней Греции, делая акцент на проблемное поле этой разновидности философских рассуждений, составивших значительную сферу античной философии культуры. М. М. Стасюлевич считает «отцом философии истории» Дж.-Б. Вико, т. е. с его именем связана «первая попытка к методическому решению» задачи подведения «под общие законы разнообраз-

ные случайные события»¹¹. В энциклопедических и дидактических изданиях обычно выделяют факт появления работы М.-Ф. Вольтера («La philosophie de l'histoire», 1765), введшего сам термин¹², экстраполировав уже сложившуюся традицию в естествознании на область истории¹³.

«Гештальт» философии истории на протяжении XVIII—XX вв. имел не только «эпохальный характер»¹⁴, но и внутри эпох был обусловлен различной методологической ориентацией ученых. Р. Дж. Коллингвуд вслед за Г. Риккертом утверждал, что «понимание философии определяло и понимание философии истории». Для Вольтера — философия означала «независимое и критическое мышление», отсюда философия истории — это собственно критическая, или научная, история, «тот способ исторического мышления», когда историк самостоятельно судит о предмете. Для Гегеля философия — это «мышление о мире в целом» и, соответственно, философия истории — это всеобщая, или всемирная, «философская» история. Для позитивистов XIX в. философия — «открытие единообразных законов», отсюда и философия истории «означала открытие общих законов, управляющих ходом событий, о которых обязана рассказать история»¹⁵. Сам Р. Дж. Коллингвуд, исходя из тезиса о рефлексивном характере философии, как «мысли второго порядка», рассматривал предмет философии истории как теорию исторического познания. Признавая тот факт, что философ, изучая объективную сторону истории, является метафизиком, а изучая субъективную сторону истории, выступает как эпистемолог, Р. Дж. Коллингвуд считал подобное традиционное деление сфер философского знания «опасным», т. к. такой подход, по его мнению, может «внушить мысль о разделенности эпистемологической и метафизической сторон деятельности философа, а это было бы ошибкой». «Философия, — подчеркивает, Р. Дж. Коллингвуд, — не может отделить исследование познания от исследования того, что познается. Невозможность такого разделения прямо вытекает из идеи философии как мысли второго порядка»¹⁶. Позиция Р. Дж. Коллингвуда отразила тенденцию, четко обозначившуюся в европейской науке на протяжении XX века, в соответствии с которой философия истории трансформировалась в гносеологию истории¹⁷, поскольку сама философия превращалась в общую теорию познания.

Перемещение акцентов на разные группы проблем философии истории по мере философского осмысления объекта,

субъекта исторического познания и самой содержательной стороны деятельности историков происходило в соответствии с эволюцией внутринаучной рефлексии. В литературе обычно выделяют три ее типа, которые в истории науки Нового времени последовательно (исходя из логической схемы) сменяют друг друга по мере изменения направленности рефлексии. На этапе онтологизма (период классической науки примерно до середины XIX в.) рефлексия направлена на связку «знание—объект»; на этапе гносеологизма (середина XIX—XX вв.) рефлексия концентрируется вокруг связки «субъект—объект»; на этапе методологизма рефлексия направлена на связку «субъект—знание»¹⁸.

Философия истории, «философствующая» о содержании, смысле, направленности исторического процесса со второй половины XIX в. все более уступает место философии истории как теории исторического познания, включая проблемы логики и методологии. Осознание в изменении содержания философского постижения истории привело к новым попыткам определить предмет и структуру этой области философских размышлений. О. Л. Вайнштейн считал, что именно в университетах Германии раньше всего возникло разделение философии истории на две отрасли: 1) сущностную, конструктивную, выдвигавшую проблемы содержания, течения, смысла и цели всемирно-исторического процесса, и 2) формальную, посвященную теории и логике исторического познания¹⁹. Сама «теория двойственности» структуры философии истории, по мнению Э. Н. Лооне, восходит к трудам Бенедетто Кроче, который резко различал два типа философских размышлений — философию исторического познания и философию исторического процесса, но разумное право на существование в рамках научной деятельности отдавал «философии историографии», предмет которой — теория исторического познания, и самой историографии (т. е. — исторической науке), изучающей причинные связи фактов²⁰. Наибольшую известность теория двойственной структуры философии истории приобрела в интерпретации английского философа У. Х. Уолша²¹.

В литературе конца XIX—XX вв. получили распространение разные «пары» терминов для определения разновидностей философии истории: спекулятивная — критическая; материальная — формальная; сущностная — аналитическая; субстанциальная — рефлексивная и проч. Их противопоставление (вне зависимости от терминологического варианта

«пары») основано прежде всего на понимании различий проблемного поля. Первый структурный компонент «пары» (т. е. спекулятивная, материальная, сущностная и проч. философия истории) традиционно включал онтологическую (метафизическую) проблематику философского осмысления истории: установление главных причин и факторов истории; периодизация исторического процесса; моделирование исторического процесса — выявление некоей всеобщей «фигуры» протекания истории; поиски смысла истории. При всех вариациях в определении проблематики (с учетом ее исторической эволюции и исходных методологических позиций) данная разновидность философии истории ориентирует на разработку философской теории исторического процесса, поиски сущностного содержания, процессуальной формы и смысла истории; она имеет давнюю традицию, воплощенную в классических образцах. Именно в этом контексте термин «историософия» становится неофициальным, но почти постоянным синонимом этого вида философии истории. Вторая же разновидность философии истории (критическая, формальная, рефлексивная и др.) связана с рефлексией относительно природы исторического познания, особенно теоретических способов «постижения истории» и ориентирована на разработку философской теории исторического познания²².

Традиционная теория двойственной структуры философии истории включает не только исходный тезис о двух видах философии истории, каждый из которых требует своего обоснования, но и вывод большинства из своих адептов о научной перспективности только второго вида. На рубеже 70—80-х гг. Э. Н. Лооне формулирует мысль о том, что в конце XX в. философия истории не представляет собой единства ни по объекту и предмету, ни по методу, ни по целям. Выделив пять, по его мнению, исторически сложившихся типов философии истории (философская история человечества; теория общественного развития, или теория истории; философские проблемы истории онтологического или метафизического характера; аксиология истории и историографии; теория исторического познания), Э. Н. Лооне заключает: философия истории — это не онтология, а теория познания, а поскольку проблемы исторического познания на протяжении 60—80-х гг. в советской историографии «закрепились» за такой дисциплиной, как методология²³, то можно констатировать тот факт, что философия истории превратилась в методологию исторического познания, философскую дисциплину, которая «зани-

мается исторической мыслью и отношениями последней к действительности вне этой мысли»²⁴. В начале 90-х гг. «гештальт» философии истории конца XX в., представлен следующим образом: 1) попытки создать единую концептуальную картину всемирной истории «в настоящее время фактически не предпринимаются»; 2) в философско-исторической сфере «очевидное преобладание получила критическая философия истории»; 3) материальная или субстанциальная, философия истории «практически свелась... к исторической интерпретации своей собственной традиции»²⁵.

Историография и теория: «вчера». К середине XIX в. в менталитете ученых оформился вполне определенный эпистемологический эталон науки, который характеризовался степенью ее теоретичности. «Научность», суть — «теоретичность» сводилась к познанию законов. Отсюда — закон, т. е. познание сущности объекта, формулировала теория, которая и выступала главным «мерилом» науки. Этот норматив, возникший в области естественнонаучного мышления, и попытались перенести на область общественнонаучного мышления. Однако, если с новейшими отраслями общественнознания, например, социологией, становление которой произошло в краткие сроки именно потому, что она «вписалась» в этот норматив, все обстояло в соответствии с «классикой», то с древнейшей отраслью общественнознания — историей произошла своя «история».

На протяжении второй половины XIX — начала XX в. история заявила о себе как автономная сфера научной деятельности. С 1850 г. в российских университетах были созданы историко-филологические факультеты, в рамках которых с 60-х гг. историков стали готовить на специальных исторических отделениях и они «выходили» с университетским дипломом такого же «образца», как и другие представители «ученого цеха», не сомневаясь в своей принадлежности к Науке. Сомнения одолевали иных профессионалов — естественников, философов, историков науки. Их позиция активизировала процесс самопознания и собственно историков-профессионалов. Все признавали тот факт, что история в том виде, в каком она вошла в профессиональную сферу научного знания и научной деятельности, отличается, тем не менее, от наук с четко выраженной помологичностью. С другой стороны, поскольку сами историки были уверены в том, что они представляют науку, а любая наука характеризуется обязательным наличием теории, то понятие «тео-

рия истории» стало все чаще фигурировать и в специальной литературе, и в названиях учебных курсов в университетах. Но здесь и скрывалась «западня» для истории, ибо право на теорию у нее решили отобрать и сделать прерогативой иной научной сферы.

Последняя треть XIX века — период активной разработки теоретических вопросов истории в европейской науке. Спецификой этого процесса в России было то, что «тон» задавала, по терминологии современников, «общая журналистика»: «теоретические рассуждения» о характере и сущности исторического процесса, роли личности в истории, понятиях «прогресс» и «эволюция», закономерности и целесообразности в истории и проч. скрывали, во-первых, «злободневные», «практические» вопросы текущей жизни, с которыми было связано понимание ближайших перспектив развития (идти или нет «на выучку» к западноевропейскому капитализму; принять «стихийный» ход истории или активно вмешаться в него и др.). «Журнальный спор» 80—90-х гг. XIX в. шел преимущественно между «народниками» и «марксистами», среди которых почти не было профессиональных историков (из университетской профессуры только Н. И. Кареев включился в этот спор с критикой Г. В. Плеханова). Оппоненты оперировали множеством новых терминов, употребляя их, в различных значениях и без должного обоснования. В начале XX в. вопросы теории истории «перемещаются» с «поля общих журналов в академические трактаты»: теперь уже представители «академической науки» — университетская профессура сделала попытку рассмотреть фигурирующие в обращении историко-софские категории с точки зрения границ и способов познания, определить их «законопность» по отношению к историческому мышлению. Если «полемистов» 80—90-х гг. интересовал сам исторический процесс, его модели (не случайно с конца 60-х гг. в литературе были выдвинуты разнообразные теории прогресса и цикличности — П. Л. Лавров, Н. И. Кареев, М. М. Ковалевский, Н. Я. Данилевский и др.; «складывался» формационный и цивилизационный подходы к изучению истории), то «академистов» начала XX в. — возможность и способы познания этого процесса (Р. Ю. Виппер, А. С. Лаппо-Данилевский, В. М. Хвостов и др.). Вопросы теории исторического знания и исторической методологии получили теперь доминирующее значение, а поскольку данные вопросы — сфера не спекулятивных построений общепhilософского осмысления истории, постольку их могли ре-

шать именно представители профессиональной науки. Вместе с тем, это «историко-критическое направление», вызванное желанием разобраться во всех вошедших в научный и культурный обиход терминах, развивалось в России под влиянием (и в активной критике) «представителей немецкой историко-софской мысли» — В. Виндельбанда, Г. Риккерта, К. Ламбрехта, Г. Зиммеля, Э. Бергейма и др.²⁶ Конкретная разработка новых «историко-софских категорий» шла параллельно с поиском дисциплинарного определения той области знания, которая и должна была, по мнению этих ученых, заниматься вопросами теории исторической науки.

На рубеже XIX—XX вв. развернулись «бои за историю», которые нередко трансформировались в «бои против истории». В дискуссиях этой эпохи определилось несколько позиций: одни считали, что вопросами теории истории должна заниматься философия истории; другие отводили эту функцию социологии; третьи ставили проблему создания новой исторической науки или новой дисциплины философского плана, которая станет теорией истории; четвертые шли по пути расширения самого семейства исторических дисциплин теоретического профиля²⁷. «Поиски истины» были трудны и давали разнообразие моделей новой науки, моделей подчас противоречивых, незавершенных, с расплывчатыми контурами...

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Хвостов В. М. Теория исторического процесса. Очерки по философии и методологии истории. — М., 1919. — С. 15—16.

2. Термин «историография» в статье употребляется как синоним исторической науки. Дисциплину, изучающую историю науки, мы, в соответствии с традициями науковедческой литературы, называем «историографией науки», а дисциплинарное определение истории исторической науки — «историография исторической науки».

3. См.: Энциклопедический словарь/Изд. Ф. А. Брокгауз, Н. А. Эфрон. — СПб., 1902. — Т. XXXVa. — Кн. 70. — С. 849—850; Ракитов А. И. Историческое познание: Системно-гносеологический подход. — М., 1982. — С. 145.

4. Богопознание. Первоначально (рубеж IV—V вв. н. э.) это слово было синонимом «теологии». Позже в отличие от теологии, представляющей систему знаний о божестве, основанную на откровениях и догматах, теософы сделали акцент на мистическое богопознание.

5. См.: Карсев Н. Н. Основные вопросы философии истории. — СПб., 1897. — С. 1—19; Он же. Теория исторического знания. — СПб., 1913. — С. 48—52; Он же. Историческая теория исторического процесса. — Пг., 1915; Он же. Из лекций по общей теории истории. — СПб., 1913; Он же. Основные вопросы философии истории. Критика историко-философических

идей и опыт научной теории исторического прогресса. — М., 1883 и др.; Энциклопедический словарь/Изд. Ф. А. Брокгауз, Н. А. Эфрон. — Т. XXXVa. — Кн. 70. — С. 843.

6. См.: Косминский Е. А. Историсофия Арнольда Тойнби//Вопросы философии. — 1957. — № 1. — С. 138; Советская историческая энциклопедия. — М., 1973. — Т. 14. — С. 282.

7. В словарной части энциклопедических изданий советской эпохи (БСЭ, СИЭ, ФЭ, ФС и др.), а также в Британской энциклопедии, Американской философской энциклопедии, Энциклопедии Украинизмства этот термин отсутствует.

8. См.: Гордиенко А. Методологические проблемы осмысления бытия человека в западноевропейских философских концепциях второй половины XX века//Философская и социологическая мысль. — 1995. № 5—6. — С. 244—248.

9. См.: Дьяконов Н. М. Пути истории. От древнейшего человека до наших дней. — М., 1994; Тартаковский М. Историсофия. Мировая история как эксперимент и загадка. — М., 1993; Кантор И. М. История против прогресса. Опыт культурно-исторической генетики. — М., 1992; Прицак О. Историсофия та історіографія Михайла Грушевського. — Київ. — Кембридж, 1991; Грицак Я. П. Формування модерної української нації: історіографія та історисофія проблеми. Автореферат дис. докт. іст. наук. — Київ, 1996 и др.

10. От — «гештальт» — воспрятис, образ; категория, заимствованная из психологии философией науки (М. Полани, Ф. Фейерабенд и др.).

11. См.: Лосев А. Ф. Античная философия истории. — М., 1977. — С. 15—16; Стасюлевич М. М. Философия истории в ее главнейших системах. Исторический очерк. — СПб., 1902. — С. VII.

12. Собственно, первая попытка и «обозначить» данное направление была предпринята также Дж.-Б. Вико в 1725 г., однако его название звучало еще весьма абстрактно — «Новая Наука». См.: Вико Д. Основания новой науки об общей природе наций. — М., 1940. — С. 25—26.

13. Ср.: И. Ньютон. Математические начала натуральной философии (1687 г.); К. Линней. Философия ботаники (1751 г.) и др.

14. Кимелев Ю. А. Философия истории. Системно-исторический очерк//Философия истории: Антология. — М., 1995. — С. 8.

15. См.: Коллингвуд Р. Дж. Идея истории. Автобиография. — М., 1980. — С. 5; Риккерт Г. Философия истории. — СПб., 1908. — С. 4.

16. Коллингвуд Р. Дж. Указ. соч. — С. 5.

17. Для англоязычной литературы характерно применение термина «эпистемология», введение которого приписывается шотландскому философу Дж. Ф. Ферье («Основы метафизики», 1854), делившему философию на онтологию и эпистемологию — теорию познания. В советской традиции эпистемологию рассматривали как теорию научного познания — раздел гносеологии — теории познания в целом.

18. П. П. Гайденко дает свою схему применительно именно к философии истории, выделяя два этапа: «онтологизм» и «гносеологизм или методологизм». Э. Г. Юдин и Б. Г. Юдин рассматривают «методологизм» как форму самосознания, характерную для современной науки. В их концепции схема П. П. Гайденко получает более широкую трактовку в контексте развития рефлектирующего компонента научного знания в целом. См.: Гайденко П. П. Категория времени в буржуазной европейской философии истории XX века//Философские проблемы исторической науки. —

М., 1969. — С. 26—230; Юдин Б. Г. Методологический анализ как направление изучения науки. — М., 1986. — С. 15—20.

19. Вайнштейн О. Л. Очерки развития буржуазной философии и методологии истории в XIX—XX вв. — Л., 1979. — С. 146.

20. См.: Лооне Э. Н. Антиномии самосознания современной буржуазной философии истории//Вопросы философии. — 1983. — № 3. — С. 130.

21. См.: W. H. Walsh, An Introduction to Philosophy of History. — L., 1967.

22. См.: Кимелев Ю. А. Указ. соч. — С. 5—7, 10—11; Губман Б. Л. Смысл истории: Очерки современных западных концепций. — М., 1991. — С. 21.

23. Понятие «методология истории» весьма многозначно в философской и исторической литературе. В западной науке при всем многообразии определений преобладает т. н. «узкий» подход: методологию рассматривают как совокупность организационных форм, технических приемов и способов исследования. В советской науке к 80-м гг. сложились две основные позиции (это весьма условное деление, поскольку можно дать и иные классификационные схемы определений «методология истории»): 1) т. н. «широкий» подход, при котором научную методологию рассматривали как систему существенных аспектов мировоззрения и теории, определяющих исследовательские принципы науки (См.: Петряев К. Д. Вопросы методологии исторической науки. — Киев, — 1976. — С. 10—12 и др.); 2) сведение методологии истории к теории исторического познания (М. Я. Гефтер, Б. Г. Могильницкий, И. Д. Ковальченко и др.). При этом, выделялись «уровни» методологии, т. е. методология трактовалась как многоуровневое теоретическое образование с разнообразными формами проявления (См., например: Методологические проблемы общественных наук. — Киев, 1985 и др.). Различия и оценка дисциплинарного статуса методологии истории: философская дисциплина, историческая, интегральная, возникающая на стыке ряда наук, номенклатура которых также имеет разные варианты (история и философия; историческая наука и общая методология наук; теория исторического познания, социология и историография; историческая наука, историография исторической науки и философия и др.). Если в советской традиции методология по сути «сливалась» с эпистемологией истории, то в западной традиции обычно разделяют методологию как процедурную сферу и эпистемологию истории как теоретическую. Вместе с тем, термином «методология» обозначаются различные по объему понятия, которые в англосаксонских странах относят чаще всего к области философии науки, в немецкоязычных — к теории науки, во франкоязычных — пользуются термином «эпистемология».

24. Лооне Э. Н. Современная философия истории. — Таллин, 1980. — С. 69; Он же. Антиномии самосознания... — С. 130.

25. Кимелев Ю. А. Указ. соч. — С. 18.

26. См.: Перцев В. Н. Новые русские труды по теории исторической науки//Голос минувшего. — 1914. — № 4. — С. 269—271.

27. Зиммель Г. Проблемы философии истории (Этюды по теории познания). — М., 1898; Барг П. Философия истории как социология. — СПб., 1900; Карсавин Л. П. Введение в историю (Теория истории). — Пг., 1920; Биццли П. М. Очерки теории исторической науки. — Прага, 1925, а также указанные труды Г. Риккерта, М. М. Стасюлевича, В. М. Хвостова и др.